

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607

УДК [811.112.2:811.161.1]²7

Научная статья / Research article

Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте

В.З. Демьянков Институт языкознания РАН,
125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1 vdemiank@iling-ran.ru

Аннотация. Наличие выбора является предпосылкой для разграничения стилей. Завися от культуры, стилистика включает в себя выбор фактов и языковых средств для связанного представления событий (в нарративах) и для логически связанных, непротиворечивых цепочек рассуждения (в дискурсе). И фактическая достоверность, и логическая последовательность предполагают наличие эпистемических гарантий, особенно когда нет прямого доступа к процедурам верификации. Тогда мнениям приписывают источники, которые должны придавать правдоподобие и вероятность фактам и аргументам, сообщаемым в нарративах и в дискурсах, при условии, что репутация самих гарантов высока: «Скажи мне, кто так думает, и я скажу, вероятно ли это» (или даже «и я скажу, прав ли ты»). Приемлемость и креативность употребления языка зависят от неосознанной наивной статистики, обладающей своими мерами исчисления возможности и вероятности: чем реже употребляется та или иная языковая техника, тем скорее все выражение прозвучит креативно. Эпистемические гарантии, даваемые самим фактом употребления наречий классов *возможно*, *вероятно*, а также модальных глаголов класса *мочь* и т. п., обычно указывают на условия, при которых высказывание может сообщать истину. Двойные «загородки», когда модальный глагол в предложении непосредственно предшествует единицам таких классов или следует за ними, в русском языке относительно редки, но хорошо представлены в английском (напр., *could possibly* и *might probably*) и в немецком языках (напр., *kann unmöglich* «может невозможно»). В исследовании характеризуются семантика и статистика таких выражений в большом корпусе немецких литературных и нехудожественных текстов. Показывается, что в немецком такие «избыточные» сочетания модального глагола с наречием указывают чаще всего на негативную пропозициональную установку, при-

© Демьянков В.З., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

чем вполне допустимое немецкое словосочетание *kann unmöglich*, буквально на русский язык переводимое как «может невозможно», вызывает когнитивный диссонанс у читателя. В то же время, немецкое сочетание *kann unwahrscheinlich* «может невероятно» в этом же немецком корпусе крайне редки.

Ключевые слова: когнитивные науки, контрастивное корпус-статистическое исследование, возможность, вероятность, эпистемическая гарантия, модальность

Финансирование. Благодарности:

Разделы 1 и 2 исследования выполнены при финансовой поддержке РФФ, научный проект № 19–18–00429 «Языковые механизмы аккомодации культурных систем в различных видах дискурса XX и XXI вв.» (Институт языкознания РАН). Разделы 3–7 исследования выполнены при финансовой поддержке РФФ, научный проект № 19–18–00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке» (Институт языкознания РАН).

История статьи:

Дата поступления: 20.05.2022

Дата приема в печать: 24.06.2022

Для цитирования:

Демьянков В.З. Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 589—607. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607>

‘Probability’ and ‘Possibility’ in Creative Language Use: on Impossible Possibility in German Texts

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, Russian Federation, 125009

 vdemiank@iling-ran.ru

Abstract. Being culture-dependent, stylistics involves choice of facts and of linguistic means for exposing events cohesively in narratives and for coherent chains of arguments in discourses. Both factual accuracy and logical consistency rely on epistemic warrants especially when verification procedures are not directly available. Ascribing reliable sources to opinions makes the facts and arguments conveyed in narratives and in discourses more or less probable, especially if their guarantors’ reputation is high enough, cf. “Tell me who thinks so, and I’ll tell you if this view is probable”, or even “and I’ll tell you if you are right”. Acceptability and creativity of language use depend on subconscious statistics, with their scales and measures of possibility and probability: infrequent ways of informing are the best candidates for being considered creative. Lexical items ‘(im)possible’, ‘(im)probable’, ‘(in)feasible’, ‘can (not)’, ‘may (not)’, etc., with negative marks and without them, normally serve as truth-conditional “hedgies” of judgments, as their weak epistemic warrants. Their use, too, may be more or less creative and depends on mental cultures in the framework of which narratives and discourses are produced and interpreted. This paper analyzes double hedge constructions in which a modal verb and an adverbial meaning ‘(im)possibly’ or ‘(im)probably’ are jointly used in sentences, e. g. ‘can possibly’ and ‘might probably’ in English. These constructions look strange or even ungrammatical in Russian, but they are not infrequent in German. Semantics and statistics of these phrases in German

are described in this paper, based on a large corpus of fictional and non-fictional German texts. It is shown that statistically, these double hedges are most frequently used for focusing on negative commitments, especially in sentences with ‘unmöglich können’ (“can impossibly”). At the same time, the frequency of ‘kann unwahrscheinlich’ (“can improbably”) is utterly low.

Key words: cognitive sciences, contrastive corpus-statistical investigation, possibility, probability, epistemic warrant, modality

Financing. Acknowledgments:

The research is funded by grants № 19-18-00040 (parts 3, 4, 5, 6, and 7) and № 19-18-00429 (parts 1 and 2) of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Article history:

Received: 20.05.2022

Accepted: 24.06.2022

For citation:

Demyankov, V.Z. (2022). ‘Probability’ and ‘Possibility’ in Creative Language Use: on Impossible Possibility in German Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 589—607. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607>

Введение

Понятие стиля основано на наличии выбора [1. С. 5]. Нет выбора — нет и стиля: позу, выражение лица и даже слова на нужном языке поскользнувшийся выбирает, только если он Штирлиц. А артистично сыгранное падение «вдругорядь — уж нарочно» (А.С. Грибоедов) — как спортивные прыжки в воду со своими приметам мастерства.

Уместность и креативность стилистики зависят от «наивной статистики»: привычное просто любят («без извилин», сказал бы Б.Л. Пастернак) или боятся. А креативность редкого и небывалого переключает эмоциональный «настрой», вызывая преходящие удивление, восхищение влюбленности и/или испуг. Дед Мороз в шубе и в «галстук на босу ногу» — праздник фантазии, если экспертом по креативности выступает Вероника Маврикиевна, а для бывалой Снегурочки из бюро бытового обслуживания — рутина. Умудренные контрпропагандисты знают, что креатив позволяет радикально повернуть ход событий и изменить репутацию: это сигнал начала манипулятивных действий. Когда же нужно поддержать общественное мнение на устоявшихся оценках, креатив может даже навредить, меняя баланс сил и провоцируя ненужные перемены.

Изложение того, как выглядят отношения в этом мире — «нарративная репрезентация», на почве которой рождается вымышленный «мир рассказа», — межличностный коммуникативный конструкт [2. С. 54], основанный на искренних и напускных, вынужденных и осторожно сформулированных мнениях и сомнениях. Нарратив содержит в себе инструкции, как ход событий реконструировать и «метакогнитивно» оценивать, осмыслять и связывать между собой [3. С. 24]. При нарративе мир видится не чисто рассу-

дочно: главное соблюдать «связанность» (cohesion, когезию) текста, а логическая «связность» (coherence, когерентность, несамопротиворечивость) придет из контекста [4. С. 25], если приложить интерпретаторские усилия. Особенности навыки гармонизации связности со связанностью требуются при написании и чтении научных сочинений [5. С. 4].

Правдоподобие нарратива культуурообусловлено, допускает и бесхитростное простодушие, и коварную неискренность: то, что в художественных (fictional) жанрах благодушно расценивается как невинное преувеличение (буффонада, гротеск и т. п.), в других (в мемуарах, в исторических сочинениях и т.п.) гневно осуждается как преступная ложь. Предложения в потенциальном и в ирреальном, в отличие от в реальном, дают отстраненный безоценочно-непричастный взгляд на «актуальный» мир, в любви или в ненависти к которому признаются: такой взгляд бывает разве что метафорически истинным. От культурных же стандартов зависят целесообразность и привычность в речи: сама креативность убеждения и разубеждения этим стандартам соответствует или противоречит. «Перец и соль добавляют по вкусу», чтобы закамуфлировать неполное соответствие нарратива полуодетой истине, когда за дискурс выдают простенький нарратив.

Сколько тестов, разоблачающих правдоподобные суждения, создала человеческая мудрость! Например: кто, расталкивая локтями других информаторов, первый сообщил, — того и правда — аналогично бытовому правилу в многоголовой семье: «Кто первый встал, — того и тапки». Это значит, что наиболее серьезной экспертизе надо подвергнуть самое-самое первое сообщение об анализируемом событии. Индикаторами неуверенности в валидности аргументов самих по себе, без риторических прикрас, давно уже считаются «гнев праведный» и «нервный смех»: «Юпитер, ты сердисься — значит, ты не прав». Напористая манера без страха и упрека «продвигать» одни знания (называемые убеждениями) и «задвигать» другие («нет, ребята, все не так»), громкая и широкая реклама их как единственно правильных обычно действеннее, чем лепет, а потому тоже подозрительны. Рупор полезен, когда сама по себе защищаемая точка зрения, пусть и верная, может и не убедить предубежденную разъяренную толпу. А пронизательный сапер обнаружит опасность по яркой маскировке. Если только не угодит в спрятанный информационный капкан.

Гарантии и «верительные грамоты» знания

Знание часто уподобляют создаваемым, перемещаемым и хранимым предметам. Пусть даже при этом, передавая знания, не уменьшают их запас у себя; а дав своими знаниями попользоваться на консультации, не ожидают возврата, хотя бы и в потрепанном виде.

Этому овеществляющему (реифицирующему) взгляду противопоставляется «компетентностный»: скажем, знать язык — не просто иметь знания, а уметь строить и понимать предложения и этим пользоваться [6. С. 211]. Тогда и мир человека — то, что он не просто знает, но чем он может воспользоваться. Недаром по-немецки говорят, что человек «есть то, что он ест» (*Mensch ist, was er isst*), а рассуждая в духе гипотезы лингвистической относительности, «what we speak is what we are» («Мы являемся тем, что мы говорим») [7. С. IX].

Компромиссным между двумя подходами является образ знания как растения, которое на одних почвах обильно произрастает, на других даже и не думает всходить: знания пышно цветут под открытым небом или вянут, подобно фиалкам на солнце. Источник информации, адрес «грядки», повышает «товарную стоимость» сообщения: на рынке картошка якобы «тамбовская» у продавца с американским акцентом и неместным прищуром пойдет веселее, чем та же, но безродная. А новости из «чужих», якобы нейтральных, рук, как и передаваемые предметы, расходятся быстрее, чем из «своих».

Образ почвы, из которой пробивается высказывание, наводит на мысль о «гарантиях достоверности», или «эпистемических гарантиях» (*epistemic warrant*) внедряемого мнения [8. С. 809], ср. [9. С. 194] и [10]. Так, употребление в высказывании слов типа *неприменно, разумеется, на самом деле, честно говоря* и т.п. само по себе равносильно ручательству в достоверности. «Общая почва» (*common ground*) — пропозициональные установки, общие у коммуникантов [11. С. 25].

По тому, как упоминается такая почва, можно прикинуть, где находится источник информации и насколько он надежен. На этом эффекте основана бородастая шутка: «Говорят, в Америке один мужик родил — и умер». То, что *в Америке*, а не в Малиновке — гарантия надежности источника. А то, что *умер* — сигнал: можно уже и не проверять, спросить все равно не у кого.

Маркетолог аккомодирует внешний вид, вывеску и ценник своего товара к потребительской корзине новостей: оставаясь на почве излюбленных сведений, придает словам привлекательный товарный вид достоверности, но учитывает «покупательную способность» и информационные запросы аудитории.

Если источник информации уважаемый, то и к сообщаемому не грех прислушаться. Поэтому предисловия типа *насколько я знаю и по-моему* равносильны прощупывающему риторическому вопросу *Ты меня уважаешь?* Открыто возразить таким суждениям — что плюнуть в почтенную душу. Вот почему в академичном общении гуманитариев (реже — представителей «точных наук») предпочитают промолчать, чем невпопад поправить солидного собеседника, пусть и всего лишь задав вопрос — индикатор неосознанного сомнения. Чем выше статус автора, тем больше ожидают доверия к нему. Упоминание общепризнанного эксперта как источника мнения (техника *ipse dixit* «Сам сказал») — верительная гра-

мота, «эпистемическая иммунизация» сообщений с душком. Например, когда под заголовком *Ученые обнаружили, что классическая музыка делает дельфинов счастливыми* (Рамблер, 14.07.2022) идет следующий текст: *Исследователи из Падуанского университета считают, что звучание классической музыки делает дельфинов более счастливыми. Работа ученых была опубликована в журнале Applied Animal Behavior Science*. Весь смысл самого тела сообщения, после того как заголовок уже все сказал, — назвать гарантов истины: известный университет, в котором ученые не хухры–мухры, правдоподобно звучащее название научного журнала... Но с таким же доверием ленивый читатель проглотит и пародийный текст: *Исследователи из Беквудского университета доказали [...] Работа была опубликована во всемирно известном журнале International Scientific Rubbish*. (*Backwoods* «Тьмутаракань», *rubbish* «ерунда».)

Итак, мы верим даже не самому источнику информации (иногда всего лишь цитируемому, но недоступному), а верительным грамотам, которыми перед нашим носом помахивают понабежавшие душеприказчики, подлинные и самозванные.

В некоторых ментальных культурах предполагается, что если и говорить, то только то, что знаешь: «А не знаете, так и не говорите!» Из этого поучения, по контрапозиции, даже не почитая Л. Виттенштейна, выводят: если вы говорите, значит, знаете. Если же не знаете того, что говорите, а только предполагаете, пометьте как-нибудь звездочкой свое высказывание, для алиби. Получается, что простейшей эпистемической гарантией является сам факт речи, неважно где и чьей. Речь гарантирует, что что-то за нею да кроется, а вот молчание не гарантирует ничего. Фраза типа «Я же ему говорила: не пей!» — и скорбное оправдание недейственности речи, и утверждение, что «говорилось», не замалчивалось, сделано все, чтобы отвлечь «плановую» беду. Даже если это «немолчание» было шепотом. Как ни парадоксально, «риторика умолчания» является частью искусства речи [12. С. 7], а мастерству сказать и ничего не сказать учатся годами, см. [13].

Воздвывают информационные грядки по канонам ментальной культуры речи. Отдаленное представление о разбросе стилей, о зазоре между допустимой и обязательной щепетильностью при верификации эпистемических гарантий дает сопоставление «английского парка», скромного креатива без заметного вмешательства человека, — с «французским парком», в котором что ни куст — то броский триумф креативной воли. И у каждого стиля своя восхищенная публика. Инструменты для «причесывания» или «разлохмачивания» таких кустов составляют то, что иногда называют «грамматикой знания» — языковые средства показа, откуда пришло знание (сам говорящий видел — «эвиденциальное» — или соседи нашептали), а потому насколько оно надежно [14. С. 1].

«(Не)возможно» и «(не)вероятно» плюс модальный глагол «мочь»

Лексемы классов «возможное» и «вероятное» ограждают высказывания от срочной верификации, призывая положиться на Природу (когда говорят о возможном) и на чужое, экспертное мнение (в речи о вероятном). Теория вероятностей — человеческий продукт, а теория возможности надчеловечна. Посередине же — теория вероятности и теория возможностей, когда «возможно» то, что в принципе «может быть воспринято, отображено и представлено» [15. С. 127]. Сам процесс чтения чужих текстов о возможном представляется иногда как «причина и основа для осуществления реальных возможностей» (*Ermöglichungsgrund realer Möglichkeiten*) [16. С. 128].

Анализ большого оригинального многоязычного корпуса текстов на русском, английском, немецком, латинском, французском, итальянском и испанском языках показывает, что «возможность» упоминается чаще, чем «вероятность» [17]. Учитывая, что большая встречаемость в корпусе означает большую привычность повторяющихся образцов (или моделей) речи (*recurrent patterns*) [18. С. 3], можем сказать, что люди привыкли считать Природу сильнее экспертов. Например, в немецком корпусе «позитивные» основы *möglich / Möglichkeit* «возможный / возможность» встречаются 148748 раз, *wahrscheinlich / Wahrscheinlichkeit* «вероятный / вероятность» 43400 раз, а «негативные», *unmöglich / Unmöglichkeit* «невозможный / невозможность» — 42237, *unwahrscheinlich / Unwahrscheinlichkeit* «невероятный / невероятность» — 3529. Как видим, класс «возможный / возможность» представлен в три раза чаще, чем «вероятный» и «невозможный», а класс «невероятный» (или «неправдоподобный») статистически сравнительно редок.

Интересно, что уже в латинском *possibilis* «возможный» был характеристикой физического мира, а *probabilis* «вероятный» — человеческой оценкой, «апробированной» (то есть, одобренной) человеческим опытом. В [19] приведены данные о совместной встречаемости представителей разных подобных классов в рамках предложения.

В русском корпусе чрезвычайно мало примеров, в которых непосредственно рядом со словом из классов «возможно» и «невозможно» стоит глагол *мочь* в личной форме или в инфинитиве [20]: «возможно» то, что «может быть», а потому *может возможно* — как *масло масляное*. В английском же имеем две разные основы (английская *can* и латинская *possibly*), и удвоение семы «возможность» в глаза не бросается, напр.: “*Oh,*” *he said, then wondered what more he could possibly say* — букв. «“О”, — сказал он, а потом подумал, что бы он мог, возможно, еще сказать» (Jack London, Martin Eden, 1908–1909). (Указание источника примера здесь и далее включает и год написания или первого издания цитируемого произ-

ведения.) Часто глагол и наречие идут вразбивку: *What could he possibly do?* — букв. «Что смог бы он, возможно, сделать?» (Harold MacGrath, *The Adventures of Kathlyn*, 1914).

В немецком корпусе подобные «излишества» представлены меньше, но их перевод на русский язык тоже требует усилий, напр.: *Sie übertreiben, man kann unmöglich behaupten, dass ich strahlend aussehe* «Вы преувеличиваете, нельзя сказать (букв. можно невозможно утверждать), что я блестяще выгляжу» (Maria Leitner, *Hotel Amerika*, 1930). Как и в английском, очень часто между глаголом и наречием в предложении имеется один или более «вставных» членов предложения, напр., отрицательная частица или подлежащее: *Es kann nicht möglich sein, dass alle mit diesem Waffenstillstand einverstanden sind* букв. «Не может быть возможно, что все на это перемирие согласны» (Hans Marchwitza, *Sturm auf Essen*, 1930).

Как и в английском, в немецком словосочетании *möglich können* фигурируют основы двух разных глаголов со значением «мочь»: *mögen* и *können*, отчего тавтология не чувствуется так же ясно, как в русских *можем возможно* или *возможно можем*. Неоднозначность действительно тавтологичного и очень редкого сочетания *möchte* (формы сослагательного наклонения от глагола *mögen*, который означает и «быть возможным», и «хотеть, любить») с *möglich* «возможно» поэтично обыгрывает Томас Манн: *Und sein Herz betete, es möchte möglich sein, daß diese gefahrlose und friedevolle Morgenstunde niemals ein Ende nähme* букв. «И его сердце молило, оно хотело бы, чтобы было возможным, чтобы это беззаботная и мирная утренняя пора никогда не кончалась» (Thomas Mann, *Buddenbrooks*, 1901). Модальный глагол *mögen* непосредственно соседствует с «возможно» (*möglich*) очень редко (найдено 11 случаев), как и в русском, напр.: *Das mag möglich sein* «Это может возможно быть» (Karl May, *Der Schatz der Inkas*, 1890/1891). Иногда глагол срastaется с «вставным» местоимением *es* «оно» в роли подлежащего (3 примера), напр.: *Mags möglich sein, vielleicht, daß ich dich liebe...* «Может (это) быть возможно, не исключено, что я тебя люблю...» (Kurt Tucholsky, *Schriften*, 1921–24).

Далее охарактеризуем употребительность указанных наречных классов, встреченных непосредственно рядом с глаголом *können* «мочь» в немецких непереводных текстах (6478 художественных и 3588 документальных, итого 10066). Данные о предложениях со вставками между глаголом и наречием и о тесном соседстве с немецкими глаголами *dürfen* и *mögen*, также означающими «мочь», из-за ограничений объема опускаем.

Из таблицы 1 видно, что (здесь и далее число в круглых скобках при слове и при сочетании слов указывает количество найденных в корпусе примеров) глагол *können* соседствует с «невозможно» чаще всего (1414), на втором месте, с большим отрывом «возможно» (80), затем «вероятно» (72) и исключительно редко «невероятно» (1).

Table 1 / Таблица 1

Количество предложений, в которых глагол können идет непосредственно перед (прямой порядок) или после (обратный порядок) наречия класса «(не)возможно» / «(не)вероятно» / The number of sentences in which the verb können comes immediately before (forward order) or after (reverse order) an adverb of the class «(im)possible» / «(im)probable»

Накл. / Время / Mood, Tense	Порядок: / Order	möglich «возможно»		wahrscheinlich «вероятно»		unmöglich «невозможно»		unwahrscheinlich «невероятно»		Итого: / Total:
		Прям. / Forward	Обр. / Revers	Прям. / Forward	Обр. / Revers	Прям. / Forward	Обр. / Revers	Прям. / Forward	Обр. / Revers	
Ind. Наст.	kann 1, 3 sg.	17	23	19	13	489	149	0	0	710
Ind. Наст.	kannst 2 sg.	0	0	1	0	18	6	0	0	25
Ind. Наст.	können 1, 3 pl.	0	0	4	7	140	41	0	0	192
Ind. Наст.	könnt 2 pl.	0	0	0	0	7	0	0	0	7
Ind. Прош.	konnte 1, 3 sg.	8	1	3	9	233	117	0	1	372
Ind. Прош.	konntest 2 sg.	0	0	2	0	1	0	0	0	3
Ind. Прош.	konnten 1, 3 pl.	0	0	4	1	46	20	0	0	71
Konj. Наст.	könne 1, 3 sg.	3	0	1	0	78	12	0	0	94
Konj. Прош.	könnte 1, 3 sg.	18	6	5	0	23	14	0	0	66
Konj. Прош.	könntest sg.	0	0	0	0	1	1	0	0	2
Konj. Прош.	könnten 1, 3 pl.	1	0	0	1	14	4	0	0	20
Konj. Прош.	könntet 2 pl.	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого: / Total:		47	30	39	31	1050	364	0	1	1562

Что эта избыточность добавляет к общему смыслу предложения? И стоит ли пытаться передавать такую тонкость в переводе — или ею можно без ущерба пренебречь.

Чтобы ответить на эти вопросы, охарактеризуем сочетания с каждым из классов наречий, идя по убыванию количества примеров в корпусе и начав с самых частых, а потому наименее креативных случаев.

«Невозможно мочь» (1414)

Индикатив (1267)

Настоящее время бывает чаще всего в единственном числе 1 и 3 лица (638) с прямым порядком *kann unmöglich* (489): напр., когда *kann* — форма 3 лица: *So ein Frauenzimmer kann unmöglich erkennen, was zum Glücke dient* «Так, женщина не может (букв. может невозможно) распознать, что приносит счастье» (Karl May, *Deutsche Herzen, deutsche Helden*, 1885–1888). С обратным порядком *unmöglich kann* (149) случаев меньше, напр.: *Unmöglich kann ich hier noch zwei Schilderhäuser unerwähnt lassen, blau und weiß angestrichen, in Zeltform, da ich nicht leicht etwas Plumperes der Art gesehen habe* «Я не могу (букв. невозможно могу я) здесь оставить без внимания еще два дома с вывесками, окрашенными в синий и белый цвета, в форме палатки, так как трудно найти (букв. я нелегко видел) что-либо более нелепое в этом роде» (Friedrich Hackländer, *Ein Winter in Spanien*, 1855). Существенно больше случаев, когда между модальным глаголом и *unmöglich* идут другие члены предложения: один (658), два (324), три (144), четыре (103) и т.д. Приведем только пример с двумя «вставными» элементами: *Man kann uns jetzt unmöglich im Ungewissen lassen* «Нас сейчас нельзя (букв.: можно нас сейчас невозможно) оставлять в неопределенности» (Hans Marchwitza, *Sturm auf Essen*, 1930).

На втором месте находятся множественное число 1 и 3 лица и вежливое *Sie* «Вы» (181), а доминирует прямой порядок *können unmöglich* (140). Не обходится без сюрпризов: *Ich bin überzeugt, Sie sehen Ihren Zustand zu pessimistisch, Sie sehen ja strahlend aus, Sie können unmöglich schwer krank sein* (Maria Leitner, *Hotel Amerika*, 1930). Буквальное прочтение его таково: «Я убежден, что Вы видите свое состояние слишком пессимистично, ведь Вы выглядите блестяще, **Вы можете быть невозможно тяжело больным**». Только вот нескладно сочетаются *слишком пессимистично* и *выглядите блестяще*. Другая же версия перевода лишена противоречия: «Вы не можете быть тяжело больным». С обратным порядком имеем *unmöglich können* (41), напр.: *Unmöglich können die Heiligen einen Mann im übeln Fegfeuer peinigen lassen, der sich ihnen so milde erwiesen hat* «Невозможно, чтобы (букв. невозможно могут) святые позволили мучить в скверном чистилище человека, который так мягко с ними обходился» (Paul Schreckenbach, *Um die Wartburg: Roman aus dem Mittelalter*, 1912).

Единственное число 2 лица (24) также преимущественно бывает с прямым порядком *kannst unmöglich* (18), напр.: *Aber du weißt, wer dich liebt, wer für dich sterben will; du kannst unmöglich einen andern erhören, nachdem du die Tiefen meiner Liebe geschaut hast ...* «Но ты знаешь, кто любит тебя, кто хочет умереть за тебя; ты не можешь (букв. можешь невозможно) внять просьбе другого, увидев глубины моей любви...» (Johann Richard zur Megede, *Der*

Ueberkater: Band 1, 1918). С обратным порядком *unmöglich kannst* (6), напр.: *Mir schaudert jetzt am hellen Tage bei deiner Erzählung, unmöglich kannst du das gesehen haben, du mußttest ja vor Angst und Schrecken bei dem Anblicke von Sinnen kommen...* «При твоём рассказе меня охватывает мороз в солнечный день, невозможно, чтобы ты это видел (букв. невозможно можешь ты это иметь увиденным), ты должен был сойти с ума от страха и ужаса при виде этого...» (Johanna Schopenhauer, Gabriele: Ein Roman, 1819).

Наконец, множественное число 2 лица наименее многочисленно, его встречаем только с прямым порядком *könnt unmöglich* (7): *“Ihr könnt unmöglich zurück,” sagte der Konsul* «Вам никак нельзя назад (букв. Вы можете невозможно назад)», — сказал консул» (Karl May, Orangen und Datteln: Reise-früchte aus dem Oriente, 1907–1912)..

Прошедшее время единственного числа 1 и 3 лица (350) преобладает с прямым порядком *konnte unmöglich* (233), напр.: *Er erschrak — das konnte unmöglich etwas Gutes bedeuten* «Он испугался, это не могло ничего хорошего предвещать (букв. это могло невозможно означать что-либо хорошее)» (Hermann Sudermann, Frau Sorge, 1887). Вдвое реже бывает оно с обратным порядком *unmöglich konnte* (117), напр.: *Unmöglich konnte je ein Anblick düsterer und schauerlicher gewesen sein als der, den die Karawane jetzt darbot* «Невозможно, чтобы когда-либо зрелище было более мрачным и ужасным, чем то, которое теперь представлял караван» (Adolf Mützelburg, Der Herr der Welt, 1927); с усечением: *Unmöglich konnt’ ich glauben, daß ich dieses Scheusal sei [...]* «Я не мог поверить (букв. Невозможно мог я поверить), что я якобы был этим извергом» (Christoph Martin Wieland, Dschinnistan oder Auserlesene Feen- und Geistermärchen, 1786).

Прошедшее время во множественном числе 1 и 3 лица и с вежливым *Sie* «Вы» (66) бывает значительно реже, причем обычно с прямым порядком *konnten unmöglich* (46), напр.: *Seine Erzählungen konnten unmöglich diese Gerüchte veranlaßt haben* «Его рассказы не могли не (букв. могли невозможно) вызвать эти слухи» (Marie Nathusius, Elisabeth: Zweiter Band, 1870). С обратным порядком имеем *unmöglich konnten* (20), напр.: *Unmöglich konnten wir doch stehend, zu Fuß, zu den andern demütig emporblickend, verhandeln* «Невозможно было (букв. Невозможно могли мы) все же стоя, на ногах, смиренно глядя снизу вверх, вести переговоры» (Felix Dahn, Attila, 1900).

КОНЪЮНКТИВ (147)

«Пересказывательная» форма настоящего времени (90) преобладает. Единственное число 1 и 3 лица чаще бывает с прямым порядком *könne unmöglich* (78), напр.: *Doch Sturz behauptete, Seine Majestät, der die alteingesessenen und wichtigsten Betriebe des Landes noch nicht besucht, könne unmöglich gerade mit der Effau den Anfang machen* «Но Штурц утверждал,

что де, Его Величество, который еще не посещает древнейшие и важнейшие предприятия страны, не может (букв. может невозможно) начинать именно с Эффау» (Georg Freiherr von Ompteda, Ernst III, 1926). Значительно реже оно бывает с обратным порядком *unmöglich könne* (12), напр.: *Unmöglich könne er sich vorstellen, wie froh sie der Gedanke macht, daß er sich Andergasts angenommen; das ist es, was ihm gefehlt hat, der autoritative Mensch* «Ему якобы было невозможно (букв. невозможно он якобы мог) представить себе, как ее радует мысль о том, что он принял Андергаст; вот чего ему не хватало: авторитетной личности» (Jakob Wassermann, Etzel Andergast, 1931).

Прошедшее время чаще всего бывает в единственном числе 1 и 3 лица (37), особенно с прямым порядком *könnte unmöglich* (23), напр.: *Gegen die Hebamme Schoch oder Frau Welti, die am Vormittag des 13. Febr. außer ihm einzig noch um das Kind beschäftigt waren, könnte unmöglich ein Verdacht aufkommen. Wer also als der Angeklagte könnte der Thäter sein?* «Против акушерки Шох или госпожи Вельти, которые утром 13 февраля, помимо него, занимались этим ребенком, не могло (букв. могло бы невозможно) возникнуть какое-либо подозрение. Так кто же как не обвиняемый мог бы быть преступником?» (Willibald Alexis, *Der Neue Pitaval: Neue Serie: Band 2*, 1867). С обратным порядком заметно реже *unmöglich könnte* (14), напр.: *Unmöglich könnte ich vor einem Dritten so mit dir sprechen* «Невозможно, чтобы я так разговаривал (букв. невозможно мог бы я так разговаривать) с тобой в присутствии кого-либо» (Franz Kafka, *Fragmente aus Heften und losen Blättern*, 1883–1924). Сюда же входят и 4 примера с усеченной формой *unmöglich könnt*, напр.: *Unmöglich könnt es der Welt länger verborgen bleiben, wenn es ihm bekannt wäre* «Невозможно (букв. невозможно могло бы быть), чтобы он дольше оставался скрытым от мира, если бы это было ему известно» (Christoph Martin Wieland, *Das Hexameron von Rosenhain*, 1803).

Заметно реже бывает прошедшее время множественного числа 1 и 3 лица и с вежливым *Sie* «Вы» (18), причем прямой порядок *könnten unmöglich* (14) преобладает, напр.: *Sie könnten unmöglich gelegener kommen, mein bester Herr Ostermeier...* «Вы пришли очень вовремя (букв. Вы могли бы невозможно прийти более вовремя), мой замечательный (букв. лучший) господин Остермайер...» (Frank Wedekind, *Der Marquis von Keith*, 1901). Обратный порядок *unmöglich könnten* (4) значительно реже, напр.: *In dieser Masse Ordnung zu erhalten und zu sorgen, daß ihre Augen nicht zufielen, dafür brauche Gott die Pfarrer als Werkzeuge; aber unmöglich könnten sie den Leuten Dinge zeigen, die sie selbst noch nicht sehen; unmöglich könnten sie dieselben zwingen, etwas zu erblicken, was außer dem Gesichtskreis sterblicher Augen liege* «Чтобы поддерживать порядок в этой массе и следить за тем, чтобы они не сомкнули глаз, для этого Богу, якобы, нужны священники в качестве орудий; но невозможно было бы насильно показать людям (букв. невозможно можно было бы людей заставить увидеть) то, чего они сами еще не видят; не-

возможно, чтобы они могли их же заставить увидеть то, что якобы лежит за горизонтом смертных глаз» (Jeremias Gotthelf, *Leiden und Freuden eines Schulmeisters: Zweiter Teil*, 1839).

Наконец, прошедшее время единственного числа 2 лица дает всего 2 случая: один раз с прямым порядком *könntest unmöglich* (1): *Hannerl Fabian, du könntest unmöglich so sein, du hast mit einer andern eine Liebschaft ang'fangt!* «Ханнерл Фабиан, ты не мог бы (букв. ты мог бы невозможно) быть таким, ты затеял интрижку с другой!» (Johann Nestroy, *Die beiden Nachtwandler*, 1836). А другой — с обратным порядком *unmöglich könntest* (1): *Hättest Du mich lieb, unmöglich könntest Du von Deinem Sekretär einen Brief abschnurren lassen wie ein Paternoster* «Если бы ты любил меня, ты не мог бы (букв. невозможно мог бы ты) дать своему секретарю пробубнить это письмо, как если бы это была нудная молитва» (Bettine von Arnim, *Goethes Briefwechsel mit einem Kinde*, 1835).

«Возможно мочь» (77)

Чаще всего говорят о «возможности» становиться или быть, или даже (очень редко) каузировать что-либо, но не что-либо совершать «своими руками». Напр.: *Allah ist groß; er kann möglich machen, was unmöglich ist!* «Аллах велик; он может возможным делать то, что невозможно» (Karl May, *Deutsche Herzen, deutsche Helden*, 1885–1888).

Индикатив (49)

В форме настоящего времени встретились только формы единственного числа 1 и 3 лица (40). Причем, вопреки общей тенденции, преобладает обратный порядок *möglich kann* (23), напр.: [...] *denn besser als möglich kann doch nichts sein; auch nur in diesem Sinne hatte man Grund, die Welt für vollkommen zu halten* «[...] ведь лучше, чем возможно, не может ничто быть; даже только в этом смысле имелось основание мир считать совершенным» (Eduard von Hartmann, *Philosophie des Unbewußten*, 1869/1890). С прямым порядком *kann möglich* (17) примеров заметно меньше, напр.: *Das kann möglich sein* «Это может возможным быть» (Karl May, *Die Sklavenkarawane*, 1890). В таких случаях можно было бы обойтись и без «возможно», напр.: *Es kann möglich werden, das Leben der Patientin zu riskieren, um sie geistig gesund zu machen* «Можно будет (букв. может возможным стать) рискнуть жизнью пациентки, чтобы сделать ее психически здоровой» (Karl May, *Der verlorene Sohn oder der Fürst des Elends: Roman aus der Criminal-Geschichte*, 1884–1886).

В прошедшем времени найдены примеры только единственного числа 1 и 3 лица (9), подавляющее большинство с прямым порядком *konnte möglich* (8), напр.: *Das konnte möglich sein* «Это могло быть возможно» (Wilhelmine

Heimburg, Aus dem Leben meiner alten Freundin). Нашелся только один пример с обратным порядком (1), да еще с архаически усеченным окончанием глагола: *Vielleicht doch, **möglich, konnt'** es Zufall sein: / Der Rand war schroff und bröcklig das Gestein* «Может быть, все же, возможно, могло это быть совпадением: / Край был отвесный, а горная порода крошилась» (Annette von Droste–Hülshoff, Das Vermächtnis des Arztes, 1844).

КОНЪЮНКТИВ (28)

Прошедшее время единственного числа 1 и 3 лица *könnte möglich* (18) означает «не исключено, что это возможно», чаще при прямом порядке напр.: *Könnte möglich sein!* «Вполне могло бы быть» (Karl May, Satan und Ischariot: Band III, 1896). Значительно меньше случаев с обратным порядком *möglich könnte* (6), напр.: *Möglich könnte es doch sein, daß uns die Strömung weiter hinübergebracht hätte, als wir erwarteten...* «Возможно, могло бы все же случиться так, что течение унесло бы нас дальше, чем мы ожидали...» (Friedrich Gerstäcker, Die Flußpiraten des Mississippi, 1848). Множественное число 1 и 3 лица встретилось один раз, причем с прямым порядком *könnten möglich* (1): *Die Dinge, die er schildert, könnten möglich gewesen sein; und darauf allein kommt es an* «Вещи, которые он изображает, могли бы быть возможными, в том-то и дело» (Willy Seidel, Die Himmel der Farbigen: Ein Bilderbuch aus zeitlosen Weltwinkeln, 1930).

«Пересказывательная» форма настоящего времени (3) встретилась только с прямым порядком *könne möglich* (3), напр.: *Du meinst im Ernst, das könne möglich sein?* «Ты серьезно думаешь, что это возможно (букв. это может якобы возможным быть)?» (Achim von Arnim, Die Gleichen, 1819). В таком предложении ставится вопрос не о чисто физической возможности, а о том, действительно ли о ней именно так думает другой человек. От такого сомнения всего один шаг до совсем уже грубовато простонародного «Ты дебил, если так думаешь», редкого в письменной культуре.

«Вероятно мочь» (75)

Индикатив (63)

Как обычно, преобладает настоящее время единственного числа 1 и 3 лица (32), чаще с прямым порядком *kann wahrscheinlich* (19), напр.: *Ja, es kann wahrscheinlich vorkommen, daß man sie gar nicht mehr zu verstehen vermag* «Да, может, вероятно, случиться так, что они ее даже не смогут понять» (Karl May, Im Reiche des silbernen Löwen: III, 1902). Обратный порядок в полтора раза реже *wahrscheinlich kann* (13), напр.: *Wahrscheinlich kann doch jeder Mensch nur das*

sagen, was er selbst ist «Вероятно, может каждый человек все-таки сказать только то, что он собой представляет» (Paul Ernst, Ein Credo, 1912).

Настоящее время множественного числа 1 и 3 лица и вежливое *Sie* «Вы» (11) бывает реже, причем больше с обратным порядком *wahrscheinlich können* (7), напр.: *Aber in einem Jahre werden Sie es wahrscheinlich können* «Но через год вы это, вероятно, сможете» (Paul Keller, Altenroda: Bergstadtgeschichten, 1921). Меньше примеров с прямым порядком *können wahrscheinlich* (4), напр.: *Die Fechtbrüder, die vorbeikommen, können wahrscheinlich nicht lesen, denn nicht einer erschrickt vor seinem Brustschild, und sie betteln alle* «Бродяги (букв. собираясь по бродяжничеству), проходящие мимо, вероятно, не могут читать, потому что вывеска на нем [«Попрошайничество запрещено»] никого не пугает, при том, что попрошайничают они все» (Paul Keller, Der Sohn der Hagar, 1922).

Наконец, настоящее время единственного числа 2 лица встретилось только один раз, с прямым порядком *kannst wahrscheinlich* (1): *Du kannst wahrscheinlich als Augenzeuge reden?* «Ты можешь, вероятно, выступить свидетелем?» (Wilhelm Hauff, Das Bild des Kaisers, 1827).

По частотности прошедшее время единственного числа в сумме уступает настоящему. Так, 1 и 3 лица (12) преобладают с обратным порядком *wahrscheinlich konnte* (9), напр.: *Wahrscheinlich konnte er bleiben* «Вероятно, так он и мог остаться» (Rainer Maria Rilke, Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge, 1910). С прямым порядком *konnte wahrscheinlich* (3) случаев меньше, напр.: *Auskunft geben konnte wahrscheinlich der Spaßmacher, doch Herniu hütete sich, ihn um etwas zu bitten* «Сообщить мог, вероятно, шутник, но Херниу остерегался просить его о чем-либо» (Ludwig Renn, Herniu und der blinde Asni, 1956).

Прошедшее время множественного числа 1 и 3 лица и вежливое *Sie* «Вы» (5) представлены больше с прямым порядком *konnten wahrscheinlich* (4), напр.: *Doch die winzigen Tiere konnten wahrscheinlich mit dem Überschuß nicht fertig werden* «Но крошечные животные, вероятно, не могли (букв. могли, вероятно, не) справиться с избытком» (Horst Hoffmann, Perry Rhodan: Der Zeitagent, 1987). И всего один раз с обратным порядком *wahrscheinlich konnten* (1), напр.: *Wahrscheinlich konnten sich die Schurken da oben nicht erklären, woher das Wasser kam, aber sie hüteten sich wohl, ihre Gegenwart zu verraten* «Вероятно, не могли негодяи там, наверху, объяснить, откуда взялась вода, но, вероятно, они остерегались выдать свое присутствие» (Karl May, Durch das Land der Skipetaren, 1892).

Наконец, прошедшее время единственного числа 2 лица *konntest wahrscheinlich* (2) встретилось только с прямым порядком: [...] *du konntest wahrscheinlich nicht anders handeln; kein Mensch kann aus seiner Natur heraus, aber was beginnen wir nun?* «ты не мог, вероятно, поступить иначе; никто не может преодолеть свою природу, но что же нам теперь делать?» (Franz Treller, Der Sohn des Gaucho, 1900).

КОНЪЮНКТИВ (12)

Прошедшее время единственного числа 1 и 3 лица *könnte wahrscheinlich* (5) встретилось только с прямым порядком: *Er könnte wahrscheinlich als einsamer Gelehrter störrisch bis zur Borniertheit sein* «Вероятно, как одинокий ученый, он мог бы быть упрямым до отупления» (Harry Graf Kessler, Tagebücher: 1918–1937). Во множественном числе 1 и 3 лица и с вежливым *Sie* «Вы» — только с обратным порядком *wahrscheinlich könnten* (4), напр.: *Es stimmt dann etwas nicht im Gang, in der Haltung, es ist Ihnen irgendwie aus der Hand gekommen, und wahrscheinlich könnten Sie ebensowenig definieren, woran das eigentlich zu merken ist, so infinitesimal klein sind die Veränderungen [...]* «Тогда что-то не так в походке, в позе, это как-то само у вас вышло и, вероятно, вы могли бы точно так же неточно определить, по чему это следует устанавливать — так бесконечно малы изменения» (Stefan Zweig, Ungeduld des Herzens, 1939).

«Пересказывательная» форма настоящего времени единственного числа 1 и 3 лица только с прямым порядком *könne wahrscheinlich* (3): *Ein Wundarzt, der aus der Nachbarschaft herbeigeholt wurde, machte jedoch Hoffnung und brachte es durch angestrenzte Bemühung dahin, daß er gegen Mittag wieder zur Besinnung kam und die Besuchenden es wagten, den tröstlichen Bericht nach Grönenstein zu senden, er könne wahrscheinlich gerettet werden* «Военный лекарь, доставленный из близлежащего района, обнадежил и с большими усилиями привел его в сознание к полудню, так что посетители отважились послать в Грюненштейн утешительное сообщение, что якобы его, вероятно, можно спасти» (Ulrich Hegner, Die Molkenkur: Roman in drei Teilen, 1819).

«Невероятно мочь» (1)

Единственный пример — в индикативе прошедшего времени единственного числа 1 и 3 лица с обратным порядком *unwahrscheinlich konnte* (1): [...] *unwahrscheinlich konnte es ihr nicht vorkommen, daß derjenige, dem der Mönch die Kranke beym Abschiede so nachdrücklich empfahl, geeilt haben könne, sein Eigenthum zu sich zu nehmen* «вряд ли ей не пришло в голову (букв. невозможно могло ей не прийти в голову), что тот, кому монах при прощании так настоятельно рекомендовал больную, поспешил забрать себе его имущество» (Benedikte Naubert, Geschichte der Gräfin Thekla von Thurn, 1788). Случаи со вставными элементами между глаголом и наречием есть, но их единицы, напр.: *Ob aber nicht Grauen, Angst und Schröckbilder, den zurückgebliebenen Lebenden verfolgen werden, wer könnte das unwahrscheinlich finden?* «Но если бы не ужас, страх и кошмары, преследующие оставшихся в живых, кто бы мог подумать, что это невероятно?» (Johann Georg Friedrich Jacobi, Das Buch vom Aberglauben, Mißbrauch, und falschen Wahn: Ein nöthiger Beitrag zum Unterricht-Noth-und Hülfsbüchlein, 1790).

Заключение

1. Статистика в рамках данного исследования имеет, разумеется, лишь эвристическую ценность, для порождения гипотез.

Как видим, лидирует сочетание *unmöglich* «невозможно» с *können* «мочь», остальные случаи по частотности заметно отстают, вызывая исследовательскую настороженность.

Прямой порядок, когда сначала идет модальный глагол, значительно чаще (1136), чем обратный порядок, когда сначала идет наречие (426). Индикатив (1385) чаще конъюнктива (182). Настоящее время (1033) чаще прошедшего (534): речь об актуальной реальности вдвое чаще реконструкции каузальности в «каком-то там» умозрительном мире прошлого. Единственное число 1 и 3 лица (1242) чаще множественного числа 1 и 3 лица и вежливого *Sie* «Вы» (285) и во много раз чаще единственного числа 2 лица (32), а тем более множественного числа 2 лица (8).

2. Дублирование эпистемически нагруженных слов — страховка на случай, если эпистемические гарантии подведут. Подсознание выдает свое опасение «измены» употреблением выражения *kann unmöglich* «может невозможно».

Такая драматизация придает дискурсу динамику, а миру парадоксальность: все думают, это возможно (или это невозможно), а это не так (или реже, но тоже с сюрпризом: и это так). Прямой порядок (сначала глагол «мочь», а только потом вердикт — «невозможно») более бросок, может, потому и бывает чаще. А форма второго лица, лица адресата, если и бывает, то значительно реже формы первого и третьего лица: уж свои-то возможности адресат знает лучше, чем автор, если тот не Зигмунд Фрейд на работе.

Немецкое *unmöglich* «невозможно» отдаленно напоминает французскую отрицательную частицу *pas* (прямое значение «шаг»), которая когда-то всего только усиливала традиционную отрицательную частицу *ne*, а в современном разговорном языке бывает в предложении единственным сигналом отрицания, ср. *Ce n'est pas sorcier* «Это не волшебство» в классически выдержанной речи и *C'est pas sorcier* (так называлась когда-то научно-популярная телепрограмма), с тем же значением, но без отрицательной частицы *ne*. Подчеркнутая разговорность речи на интеллектуальную тему обещает нескучные объяснения сложных для понимания предметов.

4. Вероятность, по определению, зависит и от бездушной возможности, и от капризов человека на бирже мнений. Захотелось — вбросил на ментальный рынок побольше человеческих артефактов (хоть долларов и нефти, хоть мнений и сомнений), не захотел или жизнь прижала — поменьше. Но спекуляция (во всех смыслах) к вечной физической реальности имеет только опосредованное отношение. Еще и поэтому класс «невероятно» намного реже, чем класс «возможно», а тем более в сочетании с модальным глаголом.

В чем причина межъязыкового варьирования речи о возможном и о вероятном? Случаен ли разноречивой в отстраненной подаче сообщений — или

он предопределен глубинными расхождениями ментальных культур, диктующих выбор языковых средств? На эти вопросы, как и на многие другие, ответит мультидисциплинарное когнитивное исследование, не ограничивающееся чисто языковыми феноменами.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Искусство слова. М.: Педагогика, 1982.
2. Thon J.-N. *Transmedial Narratology and Contemporary Media Culture*. Lindoln; London: University of Nebraska Press, 2016.
3. Altes L.K. *Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2014.
4. Cook G. *Discourse and Literature*. Oxford etc.: Oxford University Press, 1994.
5. Bruce I. *Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis*. London; New York: Continuum, 2008.
6. Kiaer J. *Pragmatic Syntax*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2014.
7. McWhorter J.H. *The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
8. Lyons J. *Semantics*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1977.
9. Plantinga A. *Warrant and Proper Function*. New York: Oxford University Press, 1993.
10. Plantinga A. Review: Précis of Warrant: The Current Debate and Warrant and Proper Function // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1995. Vol. 55(2) (Jun. 1995). P. 393–396. <https://doi.org/10.2307/2108556>
11. Stalnaker R. *Context*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
12. Groddeck W. *Reden über Rhetorik: Zu einer Stilistik des Lesens*. Basel; Frankfurt am Main: Stroemfeld, 1995.
13. Ducrot O. *Dire et ne pas dire: Principes de sémantique linguistique*. Paris: Hermann, 1972.
14. Aikhenvald A.Y. The grammar of knowledge: a cross-linguistic view of evidentials and the expression of information source // *The Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology* / Edit. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford etc.: Oxford University Press, 2014. P.1–51.
15. Wittgenstein L. *Philosophical grammar* / translated by Anthony Kenny; edited by R. Rhees. Oxford: Blackwell, 1974.
16. Bender N. *Verpasste und erfasste Möglichkeiten: Lesen als Lebenskunst*. Basel: Schwabe, 2018.
17. Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. №4. С. 5–17. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-4-5-17>
18. Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S. From collocations and patterns to constructions — an introduction // *Constructions. Collocations. Patterns* / Edit. by Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 1–9.
19. Демьянков В.З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности. М.: Р. Валент, 2021. С. 21–99.
20. Демьянков В.З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // *Когнитивные исследования*. 2022. №3. (В печати)

References

1. Novikov, L.A. (1982). *Language mastery*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
2. Thon, J.-N. (2016). *Transmedial Narratology and Contemporary Media Culture*. Lindoln; London: University of Nebraska Press.
3. Altes, L.K. (2014). *Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction*. Lincoln; London: University of Nebraska Press.

4. Cook, G. (1994). *Discourse and Literature*. Oxford etc.: Oxford University Press.
5. Bruce, I. (2008). *Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis*. London; New York: Continuum.
6. Kjaer, J. (2014). *Pragmatic Syntax*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury.
7. McWhorter, J.H. (2014). *The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language*. Oxford: Oxford University Press.
8. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
9. Plantinga, A. (1993). *Warrant and Proper Function*. New York: Oxford University Press.
10. Plantinga, A. (1995). Review: Précis of Warrant: The Current Debate and Warrant and Proper Function. *Philosophy and Phenomenological Research*, 55(2), 393–396. <https://doi.org/10.2307/2108556>
11. Stalnaker, R. (2014). *Context*. Oxford: Oxford University Press.
12. Groddeck, W. (1995). *Reden über Rhetorik: Zu einer Stilistik des Lesens*. Basel; Frankfurt am Main: Stroemfeld.
13. Ducrot, O. (1972). *Dire et ne pas dire: Principes de sémantique linguistique*. Paris: Hermann.
14. Aikhenvald, A.Y. (2014). The grammar of knowledge: a cross-linguistic view of evidentials and the expression of information source. In: *The Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology*, Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). Oxford etc.: Oxford University Press. pp. 1–51.
15. Wittgenstein, L. (1974) *Philosophical grammar* / Translated by Anthony Kenny / Edited by R. Rhees. Oxford: Blackwell.
16. Bender, N. (2018). *Verpasste und erfasste Möglichkeiten: Lesen als Lebenskunst*. Basel: Schwabe.
17. Demyankov, V.Z. (2020). On linguistic techniques of adapting opinions. *Issues of cognitive linguistics*, 4, 5–17. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-4-5-17> (In Russ.).
18. Herbst, Th., Schmid, H.-J. & Faulhaber, S. (2014). From collocations and patterns to constructions — an introduction. In: *Constructions. Collocations. Patterns*, Herbst, Th.; Schmid, H.-J.; Faulhaber, S. (eds.). Berlin; Boston: Walter de Gruyter. P. 1–9.
19. Demyankov, V.Z. (2021). Linguistic creativity in discourses on possibility and on probability. In: *Linguistic Creativity in Different Types of Discourses: Its Limits and Possibilities*. Moscow: Valent. Pp. 21–99. (In Russ.).
20. Demyankov, V.Z. (2022). Semantic reduplication in judgments on possibility. *Cognitive Investigations*, 3. (In print) (In Russ.).

Сведения об авторе:

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, руководитель Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, сфера научных интересов: теоретическое и прикладное языкознание, e-mail: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708, Scopus Author ID: 57110414800; ResearcherId: O-7350-2017, eLIBRARY SPIN code: 7289-7784.

Information about the author:

Valery Z. Demyankov is Prof. Dr.Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Head of the Scientific and Educational Center for Theory and Practice of Communication named after Yu.S. Stepanov, Research interests: theoretical and applied linguistics, e-mail: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708, Scopus Author ID: 57110414800; ResearcherId: O-7350-2017, eLIBRARY SPIN code: 7289-7784.